



Игорь Стрелец

Архитектура забвения,
или
Инспекция
по нежелательным
выходам

Санкт-Петербург, 2026

Игорь Стрелец

**Архитектура забвения,
или Инспекция по
нежелательным выходам**

«Автор»

2026

Стрелец И.

Архитектура забвения, или Инспекция по нежелательным выходам
/ И. Стрелец — «Автор», 2026

Что делать, если однажды утром ваша собственная дверь начнёт с вами разговаривать? А потом откажется выпускать? Частный детектив Матвей Коробов, человек с похмельем, цинизмом и неистребимым любопытством, оказывается в центре странных событий: в городе бесследно исчезают люди, а двери – обычные, входные, лифтовые – приобретают необъяснимую власть. За исчезновениями стоит старый проект «Контур», архитектор, мечтавший избавить человечество от ошибок, и Главная Дверь, которая находится внутри самого Коробова. Ему предстоит вспомнить то, что он пытался забыть двадцать лет, и сделать выбор: вернуть прошлое или спасти город. Мистический детектив с элементами хоррора и чёрного юмора о городе, который вышел из себя, и о дверях, которые просто проголодались.

© Стрелец И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Игорь Стрелец

Архитектура забвения, или Инспекция по нежелательным выходам

Глава

Пролог. Человек, который вышел за хлебом

Самые большие несчастья начинаются с маленьких поручений. Особенно если возвращаться приходится через ту же дверь.

В тот вторник город потерял первого человека, хотя сам об этом ещё не знал.

Человека звали Аркадий Борисович Шпунькин. Пятьдесят два года, заместитель начальника отдела муниципального имущества, редкая способность вызывать у окружающих желание немедленно посмотреть на часы. Жена считала его скучным, подчинённые – опасным, начальство – незаменимым: Шпунькин умел находить законные основания для любых решений, которые уже были приняты по причинам совершенно незаконным. В семь часов сорок три минуты утра он вышел из своей квартиры за хлебом. В семь часов сорок четыре минуты его больше никто не видел. По крайней мере, в человеческом смысле этого слова. Камера у лифта зафиксировала, как Шпунькин нажал кнопку первого этажа, глянул на часы, поправил воротник пальто и зевнул. Затем двери лифта разошлись, и он шагнул внутрь. Через секунду двери закрылись. Кабина осталась пустой. На первом этаже никто не вышел. На втором никто не вошёл. Ещё одиннадцать минут кабина ездил вверх и вниз, хотя диспетчерская система утверждала, что всё это время она стояла на первом этаже. Когда лифт наконец остановился, внутри лежали портфель Шпунькина, ключи от квартиры и три рубля мелочью. Портфель был аккуратно раскрыт. Ключи лежали на полу бородкой в сторону шахты. Три рубля образовывали маленький равносторонний треугольник. На стене кабины появилась надпись, которой прежде не было. Выглядела она так, будто её процарапали ногтем изнутри металла. НЕ СТУЧАТЬ.

Управляющая компания решила, что надпись оставили подростки. Полиция решила, что Шпунькин ушёл из семьи. Жена Шпунькина решила, что муж наконец-то сделал что-то полезное. Последняя версия была самой близкой к истине, хотя никто пока не мог объяснить, кому именно он оказался полезен.

Через три дня исчезла женщина, торговавшая семечками у вокзала. Через пять – преподаватель истории. Через неделю – сотрудник городской прокуратуры, двое сантехников, один фокусник, три школьника и человек, который двадцать лет выдавал себя за ветерана войны, хотя родился через одиннадцать лет после её окончания.

Все они пропали в зданиях. Все они исчезли рядом с дверями. И только через двенадцать дней город заметил закономерность. Но к тому времени некоторые двери уже научились выбирать.

Глава 1. Детектив с похмельем и прочими осложнениями

У каждого детектива есть своя правда. У каждого подозреваемого – своя ложь. А у двери обычно есть ключ, который ни к чему не подходит.

Частный детектив Матвей Ильич Коробов проснулся оттого, что кто-то настойчиво звонил в дверь. Лежал и соображал, откуда звук. Подняться на его четвёртый этаж без лифта было подвигом, на который не способен даже самый назойливый кредитор: кредиторы звонили по

телефону и берегли колени. Ждать он никого не собирался. Но напрягло его другое. Дверь звонила сама по себе. Без всякой кнопки.

Станным это было по трём причинам. Во-первых, большинство людей, знавших его адрес, предпочитали телефон: подъём требовал физической подготовки, моральной решимости и иногда адвоката. Во-вторых, он никого не ждал. В-третьих, звонила именно дверь, а не звонок. Звук шёл негромкий, металлический, как ложкой по пустой кастрюле. Три коротких удара, пауза, ещё три. Потом пауза подлиннее, словно невидимый исполнитель прислушивался к публике. Коробов открыл один глаз. Второй отказался сотрудничать.

– Если это смерть, – произнёс он в сторону прихожей, – передайте, что я занят.

Дверь ответила четырьмя ударами.

– И что денег нет.

Пять ударов.

– И что в загробную жизнь я не верю.

Дверь замолчала. Коробов лежал неподвижно и слушал тишину. В жизни человека, считал он, есть три надёжных способа избежать неприятностей: не брать трубку, не открывать дверь и не вступать в дискуссии с женщинами, которые произносят фразу «нам нужно поговорить». Беда в том, что первые два способа требовали дисциплины, а третий – отсутствия воображения. С дисциплиной было плохо. С воображением – наоборот. На полу возле кровати стояла бутылка виски, на тумбочке лежали два неоплаченных счёта, в кармане вчерашнего пиджака обнаружился билет в театр на спектакль, который он не помнил, чтобы посещал, а под кроватью кто-то тихо матерился. Коробов приподнял голову.

– Кто там?

– Я, – ответил голос.

– Это обнадёживает. А конкретнее?

– Не знаю.

– Тогда продолжайте в том же духе. Неопределённость – основа хороших отношений.

Из-под кровати показалась женская рука с серебряным браслетом.

– Матвей, ты обещал, что у тебя есть диван.

– Он есть.

– И где он?

– В гостиной.

– А почему я под кроватью?

Коробов задумался.

– Возможно, у тебя нестандартное представление о гостиной.

Девушка выбралась наружу. Её звали Лера, или Лида, или Лариса – в зависимости от того, насколько хорошо Коробов спал предыдущей ночью. Сейчас она была в его рубашке, с совершенно ясным взглядом и с лицом человека, который уже решил больше никогда не связываться с идиотами, но пока не определился, с какого именно начать.

– Ты разговаривал с дверью.

– Я много с кем разговариваю. С некоторыми даже бесплатно.

– Матвей.

– Двери иногда стучат. Обычная столярная деятельность.

– Стучат. А эта тебе ответила.

Коробов посмотрел на неё. Потом на дверь. Потом снова на неё.

– Ты употребляла что-нибудь?

– Нет.

– Тогда твоё положение серьёзнее моего.

Лера взяла сумочку и направилась в прихожую.

– Я ухожу.

– Не рекомендую. Там дверь.

– Очень смешно.

Она схватилась за ручку. Коробов услышал щелчок замка. Лера потянула. Дверь не открылась. Она попробовала ещё раз, сильнее. Дверь осталась неподвижной.

– Матвей.

– Да?

– У тебя заклинило замок.

– Замок у меня не заклинило. У меня заклинило всё остальное.

– Ты это сейчас придумал?

Лера дернула ручку в третий раз. Из-за двери донёсся звук. Не скрип. Не щелчок. Что-то влажное, тихое и явно неудовлетворённое, будто за тонкой деревянной обшивкой кто-то облизывался. Коробов сел. Похмелье отступило на второй план, уступив место любопытству. Это была его главная профессиональная проблема. Он мог испугаться, мог разозлиться, мог пожалеть о собственных поступках, но стоило ему столкнуться с чем-то необъяснимым, как в голове начинал работать механизм, который у нормальных людей отвечает за инстинкт самосохранения.

– Отойди, – сказал он.

Лера отступила. Коробов подошёл к двери. На нём были только трусы, одна шерстяная носочная пара разного цвета и выражение лица, которое следовало бы считать уважительной причиной для вызова психиатра. Он приложил ухо к дереву. С той стороны кто-то дышал. Коробов отпрянул.

– Кто там?

Тишина.

– Полиция?

Тишина.

– Коллекторы?

Дверь едва слышно скрипнула.

– А, так вы свои.

Он снял с вешалки тяжёлую металлическую кочергу, оставшуюся от предыдущего жильца, и осторожно коснулся дверного полотна. Кочерга дрогнула. Дерево под ней стало мягким. Не прогнулось, не треснуло – именно стало мягким, как кожа человеческой щеки. Коробов отдернул руку. На двери, чуть выше замочной скважины, открылся маленький круглый глаз. Он был карий, влажный, удивительно похожий на глаз его бывшей жены в тот момент, когда она обнаружила в холодильнике чужую помаду. Глаз моргнул.

– Матвей, – прошептала Лера.

– Вижу.

– Что это?

– Пока не знаю.

– Сделай что-нибудь!

Коробов медленно поднял кочергу.

– Я бы попросил его предъявить документы, но боюсь, он предъявит что-нибудь другое.

Глаз перевёл взгляд на кочергу. Из-под двери выдвинулось нечто похожее на тонкий деревянный язык. Обвилось вокруг металлического прута. И потянуло. Коробов удерживал кочергу обеими руками, упираясь ногами в пол. Сильным он не был, зато всю жизнь занимался тем, что цеплялся за вещи, которые давно следовало отпустить.

– Лера! Нож!

– Какой нож?

– Любой!

Она метнулась на кухню. Дверь потянула сильнее. Подошвы заскользили по паркету. Кочерга начала медленно уходить в деревянное полотно, будто металл погружался в густую патоку. Он отпустил её. Кочерга исчезла. С той стороны раздалось довольное урчание.

– Оно съело кочергу! – крикнула Лера из кухни.

– Не ори! Оно может решить, что мы тоже съедобные!

В дверном полотне появился второй глаз. Затем третий. Все три внимательно смотрели на Коробова. Он смотрел в ответ. В голове мелькнула мысль, что нормальный человек в такой ситуации бежал бы к окну, звонил в полицию или хотя бы вспомнил, где оставил штаны. Коробов же испытывал профессиональное удовлетворение. Впервые за последние два года ему попался подозреваемый, который не мог воспользоваться адвокатом.

– Послушайте, – сказал он двери. – Я не знаю, что вы такое. Возможно, вы галлюцинация, возможно, коллективное бессознательное, возможно, результат неудачного ремонта. Но если вы намерены причинить мне вред, предупреждаю: я крайне неприятен на вкус.

Дверь задумалась. Глаза моргнули по очереди. Затем деревянный язык втянулся обратно. Все три глаза закрылись. Послышался щелчок замка. Дверь открылась сама. На лестничной площадке никого не было. Коробов осторожно выглянул наружу. Старый коврик соседки лежал на месте. На перилах сохла чья-то рубашка. Снизу доносился запах жареного лука и голос радиоведущего, обсуждавшего повышение тарифов на коммунальные услуги. Мир выглядел привычно. Это было подозрительно.

– Я ухожу, – повторила Лера уже из глубины квартиры.

– Разумеется.

– И больше не приду.

– Разумеется.

Она остановилась у двери.

– Матвей, ты ведь не собираешься рассказывать об этом кому-нибудь?

Он посмотрел на неё с искренним удивлением.

– Лера, дорогая, я частный детектив. Я рассказываю о чужих проблемах за деньги. О собственных – бесплатно. Это называется диверсификация доходов.

Она ушла. Коробов остался один. Он закрыл дверь. Подумал. Открыл снова. Обычное деревянное полотно, облупившаяся краска, латунная ручка, царапина возле замка. Ни глаз, ни языка, ни признаков недавнего поглощения металлических предметов. Он провёл ладонью по поверхности. Дерево было холодным.

– Ну что, – произнёс он. – Начнём знакомство заново.

Изнутри двери донёсся тихий голос:

– Позже.

Коробов медленно убрал руку. Потом вернулся в спальню, достал из-под матраса блокнот и записал: «Утро. Дверь демонстрирует признаки автономного поведения. Возможно, галлюцинация. Проверить после завтрака. Не употреблять психотропные вещества до выяснения обстоятельств». Подумал и добавил: «Кочерга потеряна. Вычесть из расходов». Затем открыл холодильник. Внутри лежала половина лимона, банка горчицы, бутылка водки и чужая фотография, на которой Коробов стоял рядом с мужчиной в костюме клоуна. Мужчина был мёртв уже восемь лет, а фотография, судя по дате на обороте, была сделана вчера. Коробов долго смотрел на неё.

– Чёрт, – сказал он. – Кажется, сегодня будет рабочий день.

Он ещё не знал, что к вечеру ему предложат расследовать исчезновение одиннадцати человек. И что за это расследование ему заплатят не деньгами. Ему заплатят дверью.

Глава 2. Клиент, который не хотел входить

Люди стучат, когда хотят войти. Иногда они стучат, чтобы убедиться, что снаружи ещё существует мир.

К одиннадцати утра Коробов выяснил три вещи. Первая: голова болит независимо от того, считает ли её владелец происходящее реальностью. Вторая: если выпить кофе, съесть два бутерброда и принять душ, мир не становится понятнее, зато появляется иллюзия, что с ним ещё можно договориться. Третья: дверь в ванную вела себя совершенно нормально, но Коробов всё равно проверял её взглядом, прежде чем закрыть. Это раздражало. Он терпеть не мог, когда его поведение начинало зависеть от обстоятельств. По его убеждению, человек должен либо управлять своей жизнью, либо получать за её беспорядок достойную компенсацию.

Детективное агентство «Коробов и партнёры» располагалось в бывшем кабинете зубного врача на третьем этаже административного здания. Партнёров у Коробова не было. Зубного врача тоже. Зато сохранилась раковина, настенный шкафчик с пятнами неизвестного происхождения и табличка на двери, где слово «партнёры» было написано мелким шрифтом, поскольку денег на новую табличку не нашлось. В агентстве имелся секретарь – Галина Петровна, женщина шестидесяти лет, которая работала по понедельникам, средам и пятницам, а в остальные дни считала Коробова человеком, способным самостоятельно пользоваться телефоном. В этот вторник она отсутствовала.

Телефон звонил с девяти утра. Коробов не отвечал. В десять он отключил звук. В десять пятнадцать телефон продолжил звонить, хотя на экране высветилось сообщение о разряженной батарее. В десять двадцать Коробов вытащил аккумулятор. Телефон позвонил ещё раз. Он посмотрел на аппарат.

– Нет, – сказал Коробов.

Телефон замолчал.

Через минуту в дверь постучали. Обыкновенно. Три раза. Коробов взял со стола тяжёлый справочник уголовного права и приблизился к прихожей. В коридоре было тихо. В глазке обнаружился мужчина лет сорока пяти, в дорогом пальто, с аккуратно подстриженной бородой и лицом, выражавшим крайнюю степень административной озабоченности. Мужчина стоял перед дверью и смотрел на неё с неподдельным страхом. Не на глазок. Не на ручку. На дверь целиком. Он держался так, словно перед ним находился не вход в частное детективное агентство, а тигр, которого кто-то по ошибке зарегистрировал в качестве индивидуального предпринимателя. Коробов открыл. Мужчина немедленно отступил на шаг.

– Вы Коробов?

– Иногда.

– Мне вас рекомендовали.

– Сочувствую рекомендателям.

– Я заплачу.

Коробов отступил в сторону.

– Тогда входите.

Мужчина посмотрел на открытый проём.

– Нет.

– Как вам угодно. Можем вести переговоры через дверь. Это даже дешевле: не придётся предлагать кофе.

– Вы не понимаете. Я не могу входить.

– В лифт тоже?

– Что?

– В лифт можете входить?

– Да.

– В автомобиль?

- Да.
- В магазин?
- Могу.
- А в здание?
- Мужчина сглотнул.
- Только если двери открывает кто-то другой.
- Понятно. Ключи вам, стало быть, ни к чему. Скажите, а в гости к кому-нибудь вы ходите? Или приглашаете к себе?
- Я вас не за этим...
- Вы хотите сказать, что боитесь дверей?
- Нет.
- Тогда у меня для вас плохая новость. Вы пришли к детективу, который вчера разговаривал с одной из них.
- Мужчина побледнел.
- Значит, это правда.
- Что именно?
- Они уже добрались до вас.
- Коробов почувствовал, как внутри просыпается профессиональный интерес, а вместе с ним – смутное сожаление о том, что он не остался дома.
- Кто они?
- Мужчина оглянулся на лестницу.
- Можно я буду говорить отсюда?
- Конечно. Только не перекрывайте проход. У меня сегодня насыщенный график.
- Посетитель достал из портфеля папку. Руки у него дрожали.
- Меня зовут Виктор Семенович Баранов. Я работаю в городском управлении архитектуры и строительства. Точнее, работал. Вчера меня отстранили от должности. За отказ. То есть отказ был, да, я отказался подписывать акт приёмки, но там не в отказе дело, там в двери, а дверь была не по проекту, вы меня слушаете?
- Слушаю. За что?
- Я отказался подписывать акт приёмки.
- Это достойно уважения. Обычно люди отказываются подписывать акт только после того, как узнают стоимость адвоката.
- Баранов не улыбнулся.
- Двенадцать человек исчезли за последние две недели. По официальным данным – девять. Трое проходят как самовольно покинувшие место жительства.
- Кто их ищет?
- Никто. Официально – ищут, я не так выразился. Ищут, но не находят. У нас же как, у нас если не нашли...
- Это экономит бюджет.
- Баранов открыл рот и закрыл. Что-то записать он не мог, поэтому просто кивнул.
- Среди пропавших есть государственные служащие, дети, рабочие, пенсионеры. Один человек исчез в общественном туалете. Другой – в кабинете начальника. Третий вошёл в лифт, который никогда не существовал.
- Коробов посмотрел на папку.
- А вы решили обратиться к частному детективу.
- Я решил обратиться к единственному человеку, который не считает происходящее массовым психозом.
- Вы не могли знать, что я так считаю.
- Я видел вашу дверь.

Коробов перестал улыбаться.

– Что вы имеете в виду?

– На ней вчера появился рот. Не на бумаге. На двери.

В коридоре стало очень тихо. Где-то этажом ниже хлопнула дверь. Сразу же послышались торопливые шаги, словно человек, хлопнувший ею, внезапно вспомнил, что оставил на плите кастрюлю с собственной биографией. Коробов посмотрел на свою дверь. Она была неподвижна.

– Вчера, – повторил он, – на моей двери не было рта.

– Тогда вам повезло.

– А сегодня?

Баранов не ответил. Он раскрыл папку и достал фотографию. На ней был изображён старый подъезд с облупившейся штукатуркой, почтовыми ящиками и четырьмя одинаковыми дверями. На первой красовался свежий номер квартиры. На второй висела табличка «Не беспокоить». Третья была распахнута. Четвёртая выглядела совершенно обычной, если не считать человеческой ладони, выступавшей из древесины на высоте полутора метров. Ладонь была бледной. На безымянном пальце блестело обручальное кольцо.

– Это снято вчера вечером, – сказал Баранов. – В доме номер семнадцать на улице Портовой. Там исчезли пять человек. Пять. Я считал. Дважды.

Коробов взял фотографию.

– Кто сделал снимок?

– Я.

– А человек?

– Мой заместитель.

– Он исчез?

– Нет. Он успел вытащить руку.

– А дверь?

Баранов посмотрел на фотографию.

– Дверь закрылась.

Коробов перевернул снимок. На обороте карандашом было написано: «НЕ ВСЕ ОНИ ХОТЯТ ЕСТЬ. НЕКОТОРЫЕ ХОТЯТ, ЧТОБЫ ИХ ОТКРЫЛИ».

– Кто это написал?

– Не знаю.

– Вы принесли мне фотографию, на которой дверь держит человеческую руку, и записку неизвестного происхождения. Вы утверждаете, что люди исчезают в зданиях, а сами не можете войти в моё агентство. Я правильно понимаю, что вы хотите нанять меня для расследования?

– Да.

– Сколько?

Баранов назвал сумму. Коробов присвистнул. Это была сумма, за которую можно было не работать месяц, приобрести новый костюм, оплатить аренду и даже вернуть часть долгов, если не обращать внимания на проценты и не пытаться восстановить справедливость в мировом масштабе.

– Хорошо, – сказал Коробов.

– Вы согласны?

– Я согласен получить аванс. Согласие на расследование – отдельная юридическая процедура.

Баранов достал конверт. Коробов протянул руку.

И в этот момент дверь агентства захлопнулась. Не громко. Не резко. Она закрылась с такой осторожностью, с какой воспитанный человек прикрывает дверь спальни, где спит тяжело больной родственник. Замок щёлкнул. Баранов побледнел ещё сильнее.

– Она знает, – прошептал он.

– Что знает?

– Что вы согласились.

Коробов медленно повернулся к двери. Ручка опустилась сама. Затем поднялась. Опустилась снова. Из-за дерева донёсся голос. Женский, низкий, слегка хриплый.

– Матвей Ильич.

Коробов замер. Голос был незнакомым. Но обращался он к нему так, будто они были знакомы много лет.

– Матвей Ильич, – повторила дверь. – Вы взяли дело.

Коробов положил конверт на стол.

– Да.

– Тогда не открывайте меня.

– Почему?

За дверью что-то заскребло.

– Потому что я голодна.

Баранов издал короткий звук, похожий на всхлип. Коробов оглядел помещение. Окно находилось на третьем этаже, пожарная лестница отсутствовала, а единственный запасной выход вёл в подсобку, где вместо второй двери была заложённая кирпичом арка. Чёрт бы его побрал вместе с этой аркой. Он снова посмотрел на дверь.

– А что вы едите?

Пауза.

– Людей.

Коробов кивнул, словно получил ответ на давно мучивший его вопрос о качестве офисного кофе.

– В таком случае у меня для вас плохие новости. Я уже пообедал.

Дверь молчала. Затем она произнесла:

– Вы мне понравитесь.

Коробов почувствовал, как по спине пробежал холодок. Это было самое неприятное, что ему доводилось слышать от женщины за последние десять лет. Потому что женщины, которым он нравился, обычно хотели денег, внимания или замужества. А эта хотела его целиком.

Глава 3. Свидетель с метлой

Уборщица знает о здании больше архитектора: она видит, что остаётся после всех, кто здесь прошёл.

Первое правило частного детектива гласило: никогда не доверяй свидетелю, который слишком охотно рассказывает правду. Второе: если свидетель рассказывает правду неохотно, предложи ему выпить. Третье правило Коробов придумал сам и придерживался его с особым рвением: если свидетель не рассказывает вообще ничего, выпей один и подожди, пока ситуация прояснится.

Прояснялась она редко, зато ожидание проходило заметно приятнее. В этот раз выпить не удалось. Дверь агентства стояла перед ним, как провинившийся родственник на семейном совете. Баранов прижимал к груди пустой портфель и старался дышать как можно тише. Коробов изучал замочную скважину, из которой время от времени доносился едва слышный звук, похожий на чьё-то недовольное причмокивание.

– Итак, – произнёс детектив, – допустим, я вам верю.

– Спасибо.

– Не торопитесь. Это рабочая гипотеза, а не личная симпатия.

Коробов выдвинул нижний ящик стола и достал оттуда бутылку коньяка. Бутылка была почти полной, что само по себе свидетельствовало о чрезвычайных обстоятельствах: в обычные дни Коробов не позволял алкоголю находиться в его владении без уважительной причины. Он налил себе немного.

– Вы будете?

– Нет.

– Правильно. В нынешней обстановке лучше сохранять ясность мышления.

– Вы ведь только что выпили.

– Я сохраняю ясность мышления. Вы сохраняете иллюзии. Каждый занимается своим делом.

Коробов поставил стакан, подошёл к окну и выглянул на улицу. Внизу, возле мусорных контейнеров, стоял дворник. Оранжевая жилетка, метла в руках, а разговаривал он с дверью мусорного контейнера. Коробов прищурился. Дворник что-то говорил, отступал, снова приближался. Наконец постучал по крышке метлой, получил ответный стук и, судя по лицу, остался этим ответом крайне недоволен.

– Кто это? – спросил Коробов.

Баранов подошёл к окну, но остановился на расстоянии двух шагов.

– Не знаю.

– А я, кажется, знаю.

– Кто?

– Первый человек в этом городе, которому платят за уборку мусора, а он вынужден дополнительно заниматься переговорами.

Коробов надел пиджак.

– Вы куда?

– К свидетелю.

– Но дверь...

– Останется здесь. Если ей понадобится что-нибудь съесть, пусть попробует ваш портфель. Судя по содержимому, он давно потерял всякую жизненную ценность.

Баранов побледнел.

– Вы не можете просто уйти!

– Могу. Я частный детектив. У меня даже диплома нет, который запрещал бы подобное.

Коробов подошёл к двери. Она тихо скрипнула.

– Не открывай меня, Матвей Ильич.

– Я и не собирался.

– Ты лжёшь.

– Это часть профессии.

– Ты вернёшься.

– Если вы оставите мне ключи от квартиры.

Дверь издала звук, который Коробов не сразу сумел определить. В нём было что-то среднее между смешком и скрипом несмазанной петли.

– Ты мне нравишься, – сказала она.

– Вы уже говорили.

– Я повторяю, чтобы ты не забыл.

– Женщины обычно повторяют это перед тем, как сообщить, что беременны.

– Я не женщина.

– Тогда у нас нет будущего.

Он открыл дверь. На этот раз она подчинилась без возражений. Коробов вышел на лестницу, осторожно прикрыл за собой полотно и направился вниз. За спиной тихо щёлкнул замок. А затем дверь прошептала:

– До скорого.

Коробов не обернулся. Он был человеком суеверным лишь в той степени, в какой суеверия помогали ему объяснять неприятные события. Если чёрная кошка перебежала дорогу, он не менял маршрут, а пытался выяснить, кто владеет кошкой и почему она так плохо воспитана. Теперь же он впервые в жизни пожалел, что не верит в приметы. Вера в приметы хотя бы предполагала существование правил. А здесь правил не было. Пока.

Дворника звали Семён Петрович Головин. Ему было шестьдесят семь лет, из которых сорок два он посвятил санитарному состоянию города, а оставшиеся двадцать пять потратил на попытки доказать, что санитарное состояние города зависит исключительно от количества идиотов на квадратный метр. Видел он многое. Как чиновник выбросил в урну целый пакет документов, а через пять минут вернулся за ним, поскольку среди бумаг находился приказ о собственном повышении. Как молодожёны дрались возле ЗАГСа ещё до того, как успели получить свидетельство о браке. Как профессор философии упал в открытый люк и, выбираясь, продолжал спорить с коллегой о природе бытия. Но чтобы мусорный контейнер разговаривал с ним человеческим голосом, такого не случалось ни разу.

– Я вам говорю, – объяснял Семён Петрович контейнеру, – если вы не относитесь к твёрдым бытовым отходам, я не обязан вас вывозить.

Контейнер молчал.

– И не надо мне тут демонстрировать характер. Я сорок лет работаю. Я характеры видел. У меня сосед характер имел такой, что жена его однажды сдала в комиссионку вместе с телевизором. Так что вы меня не удивите.

Контейнер скрипнул.

– Вот! Опять! Это уже давление на работника. Я могу жалобу написать.

– На кого? – спросил Коробов.

Дворник обернулся.

– На вас, например. Стоите, ухмыляетесь. А тут чрезвычайная ситуация.

– Я не ухмыляюсь. Это у меня лицо такое.

– Тогда вам сочувствую.

Коробов протянул руку.

– Матвей Коробов. Частный детектив.

Семён Петрович руку не взял.

– Частный – это который сам себе начальник?

– Именно.

– Значит, без профсоюза?

– И без зарплаты.

– Тогда вы дворник умственного труда.

Коробов пожал плечами.

– В известном смысле.

Он достал блокнот.

– Мне сказали, вы видели, как исчез человек.

Семён Петрович сразу перестал шутить. Он оглянул окна окружающих домов, потом контейнер, потом снова Коробова.

– Кто сказал?

– Человек, который очень боится дверей.

– Правильно делает.

– Вы тоже боитесь?

Дворник покачал головой.

– Я старый человек. Я боюсь только двух вещей: что пенсию отменят и что меня заставят заполнять электронную отчётность. Всё остальное уже не страшно.

– Тогда рассказывайте.

Семён Петрович оперся на метлу.

– Это было в прошлую пятницу. Возле дома номер семнадцать на Портовой. Я там двор подметал. Время – примерно без четверти семь. Запомнил, потому что в семь у меня заканчивается смена, а в половине седьмого я обычно начинаю думать о том, что мог бы уйти раньше.

– Что произошло?

– Из подъезда вышел участковый. Молодой такой, усатый. Всё время говорил по телефону. Сказал кому-то: «Да сейчас проверю, тут ерунда». Потом зашёл обратно.

– И?

– И пропал.

– Вы видели, как он исчез?

– Я видел, как он вошёл. Потом слышал крик.

– Человеческий?

Семён Петрович подумал.

– Не совсем.

– Объясните.

– Человек кричит, когда ему больно. А это был крик человека, который внезапно понял, что его жизнь пошла не по плану. Разница существенная.

Коробов записал.

– Что было дальше?

– Я подошёл к подъезду. Дверь стояла открытая. Внутри никого. На полу лежала фуражка, телефон и один ботинок.

– Один?

– Второй, наверное, остался при нём.

– При ком?

– При двери.

Коробов поднял глаза. Семён Петрович не улыбался.

– Вы хотите сказать, что дверь съела участкового?

– Я хочу сказать, что больше я его не видел. А дверь после этого стала толще.

– Толще?

– Да.словно внутри неё что-то набили. Я плотником в молодости работал, понимаю, как дерево выглядит. А это было не дерево. Это была дверь, которая наелась.

Коробов почувствовал неприятный холод в желудке. Вчерашнее происшествие перестало быть одиночной галлюцинацией. Если, конечно, не считать совпадением тот факт, что ему удалось встретить человека, который был не менее безумен, чем он сам.

– Вы сообщили в полицию?

– Сообщил.

– И что?

– Приехали двое. Один сказал, что участковый ушёл домой. Второй спросил, не пил ли я. Я сказал, что пил, но не настолько, чтобы путать человека с дверью. Тогда они забрали мой паспорт и предложили пройти медицинское освидетельствование.

– Вы прошли?

– Конечно. Я трезвый был.

– И что показало освидетельствование?

– Что я старый, здоровый и не имею права вмешиваться в работу полиции.

Коробов усмехнулся.

– Впечатляющая медицинская квалификация.

– Доктор был молодой. Ему надо было что-то написать.

Дворник постоял, глядя в контейнер, потом добавил:

– А потом я заметил ещё кое-что.

– Что?

– Дверь не сразу его съела.

– То есть?

– Она сначала смотрела.

– Чем?

Семён Петрович поморщился.

– Вы думаете, у двери должны быть глаза?

– После вчерашнего я допускаю многое.

– Глаз у неё не было. Но я чувствовал, что она смотрит. Вот представьте: стоите вы во дворе, а из окна на вас кто-то смотрит. Вы не видите лица, но знаете, что на вас смотрят. Вот так и было.

– И что она делала?

– Выбирала.

– Кого?

– Не знаю. Но участковый не был первым.

Коробов медленно закрыл блокнот.

– Сколько человек вы видели?

– За последнюю неделю – пятерых. Один пенсионер, две женщины, мальчишка и участковый. Все вошли в разные двери. Все исчезли.

– А другие двери?

– Ничего. Обычные.

– Почему же вы решили, что это связано?

Семён Петрович глянул на него с выражением человека, которому приходится объяснять очевидное выпускнику гуманитарного факультета.

– Потому что у меня тоже дверь есть.

– И?

– Она вчера попросила меня принести ей человека.

Коробов молчал.

– Сказала, что голодна, – продолжил дворник. – Я сначала подумал, что кто-то из соседей шутит. Потом она повторила. И добавила, что предпочитает мужчин среднего возраста, желательно с вредными привычками.

– Слово в слово?

– Нет. Но смысл был такой.

Коробов медленно убрал блокнот в карман.

– Вы уверены, что это была ваша дверь?

– А чья же ещё? Я её сорок лет знаю.

– Вы разговаривали с ней раньше?

– Конечно. Все разговаривают с дверями. Просто обычно не замечают.

– Не замечают чего?

Семён Петрович посмотрел на него.

– Что они отвечают.

К полудню Коробов имел три свидетельства, два подозрения и одну проблему. Свидетельства утверждали, что двери поглощали людей. Первое подозрение заключалось в том, что речь шла не о случайных исчезновениях, а о систематическом отборе. Второе – что двери могли общаться друг с другом. Проблема состояла в том, что его собственная дверь знала его имя. И, судя по всему, имела на него определённые планы.

Он направился на Портовую улицу. Дом номер семнадцать оказался типичной городской постройкой середины прошлого века: четыре этажа, серый фасад, облупившаяся краска и

подъезд, в котором пахло сыростью, кошачьим кормом и безнадёжностью. У входа висела табличка: «В СЛУЧАЕ НЕИСПРАВНОСТИ ДВЕРИ ОБРАЩАТЬСЯ В УПРАВЛЯЮЩУЮ КОМПАНИЮ». Ниже кто-то приписал шариковой ручкой: «В СЛУЧАЕ, ЕСЛИ ДВЕРЬ НЕИСПРАВНА, ОБРАЩАТЬСЯ К ВРАЧУ». Ещё ниже другой рукой было добавлено: «В СЛУЧАЕ, ЕСЛИ ВРАЧ ИСЧЕЗ, НЕ ОБРАЩАТЬСЯ К ДВЕРИ». Коробов остановился перед входом. Дверь была металлической, с потёртой ручкой и электронным замком. На первый взгляд она ничем не отличалась от тысяч подобных дверей, которыми город защищался от воров, сквозняков и нежелательных свидетелей. Он достал из кармана перчатки. Затем вспомнил, что оставил их в агентстве. Потом вспомнил, что агентство заперто. Потом вспомнил, что в агентстве находится его собственная дверь. Детективу стало казаться, что расследование приобретает слишком личный характер.

– Ну что, – сказал он входной двери, – поговорим?

Дверь не ответила. Коробов потянул за ручку. Она открылась. Внутри было темно. На лестнице горела единственная лампочка. Её свет падал на бетонные ступени, стены с надписями и четыре почтовых ящика, один из которых был заполнен рекламой кредитных карт. Коробов вошёл. Дверь за его спиной закрылась. Он обернулся. Ручка медленно повернулась вниз. Потом вернулась в исходное положение. Изнутри металла донёсся тихий, довольный вздох. Коробов глубоко вдохнул.

– Если вы хотите меня съесть, – сказал он, – имейте в виду: у меня гастрит.

На первом этаже открылась дверь квартиры. Из неё выглянула пожилая женщина в халате.

– Вы к кому?

– К участковому.

– Его нет.

– Я знаю.

– Тогда зачем пришли?

– Хочу узнать, куда он делся.

Женщина прищурилась.

– А вы кто?

– Частный детектив.

Она внимательно посмотрела на него.

– Тогда вам лучше уйти.

– Почему?

– Потому что вчера дверь съела участкового.

Коробов вздохнул.

– Да, мне уже рассказывали.

– Нет, молодой человек. Вы не поняли.

Женщина открыла дверь шире. В глубине квартиры что-то скрипнуло.

– Она съела его не потому, что была голодна.

– А почему?

Старуха глянула на лестницу.

– Потому что он постучал.

– Во что?

– В её дверь.

И захлопнула дверь квартиры. Коробов остался стоять на площадке. Потом медленно повернулся к входу в подъезд. Дверь была закрыта. На металлической поверхности проступали четыре слова: НЕ СТУЧИ. НЕ СПРАШИВАЙ. НЕ ИЩИ. Под ними, словно появившись изнутри металла, возникла ещё одна строка: НЕ ИЩИ ГЛАВНУЮ. Коробов достал блокнот и записал эти слова. Затем перечитал их.

– Главную, – произнёс он.

Где-то в глубине дома раздался глухой удар. Затем второй. Затем третий. Будто огромная дверь, находившаяся очень далеко, медленно поворачивалась на петлях. И впервые за всё время Коробов понял, что исчезновения – не самое страшное из происходящего. Самое страшное заключалось в том, что двери чего-то боялись. И это «что-то» находилось по ту сторону.

Глава 4. Женщина, которая продавала ручки

Чтобы изменить свою жизнь, достаточно повернуть ручку. Главное — заранее не знать, что находится по другую сторону.

В тот же день Коробов обнаружил, что в городе существует тринадцать магазинов дверной фурнитуры, четыре мастерские по ремонту замков, две фабрики межкомнатных дверей и одна женщина, которая продавала дверные ручки с человеческими голосами. Последнее он выяснил совершенно случайно. На Портовой улице, отойдя от дома номер семнадцать на безопасное расстояние, он заметил небольшой магазин с вывеской «Замки. Ручки. Петли. Надёжность с 1987 года». В витрине лежали образцы дверных ручек. Хромированные, латунные, бронзовые, пластиковые. Некоторые были выполнены в форме животных, другие напоминали части человеческого тела. Одна ручка имела вид сжатого кулака, другая – раскрытой ладони, третья представляла собой крошечную человеческую голову с выражением глубокой обиды. Над дверью висел колокольчик. Коробов потянул за ручку. Колокольчик звякнул.

– Не надо! – раздался женский голос.

Коробов замер.

– Чего не надо?

– Дергать.

– Простите?

– Я сказала: не надо дергать. У меня сегодня плохой день.

Коробов медленно отпустил металл. Дверь распахнулась изнутри. На пороге стояла женщина лет пятидесяти, с короткой стрижкой, ярко-красной помадой и взглядом, который мог заставить замолчать даже опытного следователя. На ней был фартук с надписью «Мастерская Марии Ивановны», а на шее висела цепочка с маленьким ключом.

– Вы Коробов?

– А вы откуда...

– Вас сегодня уже все ищут. Заходите.

– Мне казалось, вы только что запретили мне входить.

– Я запретила дергать ручку. Входить я не запрещала. Не путайте технические инструкции с жизненными принципами.

Она пропустила его внутрь. Магазин оказался длинным и узким помещением, стены которого были заставлены полками. На них лежали замки, петли, задвижки, доводчики, цепочки, дверные глазки и десятки видов ручек. В дальнем углу стоял старый деревянный шкаф. Он был заперт на три замка.

– Что там?

– Инструменты.

– Почему три замка?

– Потому что первый ненадёжный, второй для страховки, а третий для тех, кто задаёт лишние вопросы.

– Убедительно.

Мария Ивановна кивнула на табурет.

– Садитесь. В ногах правды нет, а в чае есть.

Коробов сел. Она поставила перед ним чашку.

– Вы расследуете исчезновения?

– Да.

– Тогда начните с того, что перестаньте искать пропавших.

– Обычно это не входит в стандартную методику.

– А вы не в стандартном расследовании. Пейте, не отвлекайтесь.

Она сняла с полки небольшую латунную ручку. Старая, с потемневшим металлом и странным рисунком на основании. Спираль, а внутри спирали что-то похожее на глаз.

– Видите это?

– Вижу.

– Знаете, что это?

– Дверная ручка.

– Молодец. Первое правильное заключение за весь день.

Она положила ручку на стол.

– А теперь послушайте внимательно. Вы думаете, двери открываются и закрываются.

Они помнят.

– Что именно?

– Все.

Коробов отпил чай.

– Это метафора?

– Нет.

– Тогда мне придётся пересмотреть своё отношение к метафорам.

Мария Ивановна села напротив.

– Каждая дверь, которую когда-либо открывали, хранит следы того, кто через неё прошёл. Каждое прикосновение, каждый страх, каждая ложь, каждый поцелуй, каждый удар. Люди думают, что дверь – это кусок дерева или металла с петлями. Но дверь – это граница. А границы, если их долго пересекать, начинают задаваться вопросами.

– Например?

– Почему одни входят, а другие остаются снаружи? Почему одних выпускают, а других запирают? Почему человек может всю жизнь жить за дверью, за которой ему плохо, и бояться выйти, а потом выйти – и бояться вернуться?

Чашка осталась у него в руке.

– Вы говорите о сознании?

– Я говорю о памяти. Сознание – это уже следующий вопрос.

Она повернула ручку в ладони.

– Вы когда-нибудь задумывались, сколько людей за жизнь проходят через одну и ту же дверь?

– Нет.

– Вот и зря. Тысячи. Десятки тысяч. Миллионы – если речь о вокзалах, больницах, судах, тюрьмах, школах, учреждениях. Люди идут через двери, не задумываясь, что оставляют после себя. А двери всё запоминают.

– И однажды начинают есть людей?

Мария Ивановна подняла на него глаза.

– Не все.

– Но некоторые?

– Некоторые.

– Почему?

Она долго молчала. В магазине было слышно, как тикает что-то в стене – не то часы, не то замок.

– Потому что их научили.

Коробов поставил чашку.

– Кто?

Мария Ивановна обернулась к шкафу в углу.

– Те, кто строил город.

– Архитекторы?

– Нет. Те, кто решил, что город должен быть устроен именно так.

– Кто-то из правительства?

Она усмехнулась.

– Правительства приходят и уходят. Двери остаются.

Коробов достал блокнот.

– Мария Ивановна, я хочу, чтобы вы рассказали мне всё, что знаете.

– А я хочу, чтобы вы ушли отсюда живым.

– У нас разные приоритеты.

– У нас разные представления о том, что такое жизнь.

Она поднялась и подошла к витрине.

– Вы знаете, почему люди исчезают именно в зданиях?

– Потому что там есть двери.

– Нет. Это ответ для газет. Настоящая причина в том, что люди перестали замечать, где заканчивается пространство и начинается власть.

– Вы сейчас говорите о политике?

– Я говорю о дверях.

– В последнее время это одно и то же.

Мария Ивановна впервые улыбнулась.

– Возможно, вы не такой идиот, каким кажется.

– Это взаимно.

Она вернулась к столу и достала из кармана маленький ключ.

– Вы хотите найти Главную Дверь?

Коробов замер.

– Откуда вы знаете это название?

– Потому что вы не первый, кто её ищет.

– Кто искал до меня?

Мария Ивановна положила ключ перед ним.

– Один человек. Очень давно. Он был архитектором.

– И что с ним стало?

– Он нашёл её.

– А потом?

Она снова посмотрела в угол, на шкаф.

– Потом он стал дверью.

В магазине воцарилась тишина. Коробов взял ключ. Тот был тёплым. Слишком тёплым для металла, который только что лежал в кармане.

– Что он открывает?

Мария Ивановна покачала головой.

– Ничего.

– Тогда зачем он мне?

– Чтобы вы поняли, что не всякая дверь должна открываться.

Ключ отправился в карман.

– И где искать Главную?

Мария Ивановна указала на карту города, висевшую на стене. На ней были отмечены красными точками все места исчезновений. Коробов подошёл ближе. Точки образовывали

странную фигуру. Сначала ему показалось, что это случайность. Затем он увидел закономерность: точки соединялись линиями, проходившими через старые административные здания, больницы, вокзалы, школы и заброшенные промышленные объекты. В центре фигуры находилось пустое место. Не площадь. Не парк. Не перекрёсток. Пустое место, обозначенное на карте белым прямоугольником.

– Что это? – спросил он.

Мария Ивановна ответила не сразу.

– Здание, которого нет.

– Как это понимать?

– Очень просто. Оно существует, но его нет ни на одной карте. В нём никто не работает, никто не живёт, никто не бывает. И всё же туда ведёт больше дверей, чем в любое другое место города.

Коробов долго смотрел на белый прямоугольник. Затем спросил:

– Где оно находится?

Мария Ивановна покачала головой.

– Я не знаю.

– Но вы знаете, что оно существует.

– Да.

– И знаете, что туда ведут двери.

– Да.

– И не знаете, где оно находится?

– Матвей Ильич, если бы вы знали, сколько лет я живу с этими противоречиями, вы бы перестали задавать вопросы и просто выпили чаю.

Коробов взял чашку. Чай был холодным. На поверхности плавала маленькая деревянная щепка. Он поднял глаза. Мария Ивановна исчезла. Не вышла из магазина. Не спряталась за полками. Не провалилась сквозь пол. Просто исчезла. На её месте стоял старый деревянный шкаф. Три замка были открыты. Изнутри доносился тихий стук.

– Мария Ивановна?

Стук повторился.

– Это вы?

Изнутри раздался голос. Женский. Тихий. Испуганный.

– Не открывайте.

Коробов обвёл глазами три открытых замка, ключ в своей руке. И шкаф.

– Вы ведь сами дали мне ключ.

– Я знаю.

– Тогда зачем вы просите не открывать?

Пауза.

– Потому что я уже не Мария Ивановна.

Коробов отступил на шаг. Шкаф тихо скрипнул.

– Кто вы?

Изнутри донесся ответ:

– Дверь, которую она закрыла.

Коробов оглянулся на выход. Дверь магазина была закрыта. Он подошёл и взялся за ручку.

– Не надо, – произнёс шкаф.

Коробов остановился.

– Почему?

– Потому что она ждёт вас снаружи.

– Кто?

– Главная.

И в этот момент Коробов понял, что впервые за свою карьеру оказался в ситуации, когда лучшее решение было совершенно очевидным. Нужно было бежать. Немедленно. Не задавать вопросов, не делать записей, не пытаться выяснить, кто прав, а кто виноват. Просто бежать. Он открыл дверь магазина. На улице стояла Мария Ивановна. Она улыбалась.

– Ну что, Матвей Ильич? – спросила она. – Пойдёмте покажу вам город.

За её спиной стояла дверь. Огромная, чёрная, без ручки и замочной скважины. Она занимала весь фасад соседнего здания, хотя ещё минуту назад там находилась обычная стена. Коробов перевёл взгляд с Марии Ивановны на дверь. И обратно.

– Я правильно понимаю, – сказал он, – что экскурсия платная?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.